

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й № 7 (3973)

Четверг, 15 января 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

КАКИМ он должен быть, человек коммунистического общества? Этот вопрос волнует сейчас самые широкие массы советских людей...

В человеке должно быть все прекрасно!

но цепкими и живучими пережитками прошлого в сознании людей, с уродливыми явлениями, слабостями и пороками, унаследованными нами от старого общества...

Пусть каждый спросит себя: а что я сделал для того, чтобы быстрее и навсегда покончить в нашей среде с таким принижением достоинства человека общественным злом...

ПЕРЕХОД к коммунизму требует не только мощной материально-технической базы, но и обязательно высокого уровня сознательности всех граждан социалистического общества.

Вот почему в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева на предстоящем XXI съезде партии специально говорится о том, что вопросы коммунистического воспитания трудящихся, особенно подрастающего поколения, приобретают в современных условиях исключительное значение...

КОГДА мы хотим мысленно представить себе духовный облик человека нашего коммунистического общества, мы снова и снова обращаемся к заветам Ленина нашей молодежи, к тому великому подвигу, каким была вся жизнь Владимира Ильича.

Выступая на торжественном Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном соратницею Ленинского комсомола, товарищ Н. С. Хрущев говорил: «Молодые люди часто задаются вопросом: над чем, каким должен быть человек коммунистического общества...

И в то же время мы и сегодня еще ставимся перед теми же проблемами, которые ставились перед нашими предками. Мы должны быть готовы к тому, чтобы в любой момент взять на себя ответственность за судьбу нашей страны...

СЕГОДНЯ, РОВНО В ВОСЕМЬ

И вот наступил этот день... Сегодня, ровно в восемь по местному времени, выйдут из помещений счетных участков около полу-миллиона счетчиков, которые начнут Всесоюзную перепись...

Интересно отметить, что, помимо десяти миллионов плакатов и лозунгов, которые были изданы в центре и направлены на места, в республиках и областях при активной помощи местных товарищей...

Какая большая школа жизни открывалась для счетчиков, для всех, кто занял перильный путь, для всех, кто войдет в старые и новые дома старых и вновь возникших городов...

Начинается великий счет населения, великий счет накануне невиданного в истории человечества всенародного похода за осуществление задач, намеченных на ближайшее семиделетие.

Сегодня счетчики начнут заполнять со слов опрашиваемых ответы на вопросы переписного листа. Никто не потребует при этом документов. Миллионная армия агитаторов, сотни тысяч счетчиков уже разослали и продолжают разъяснять, что перепись не связана с нас и с налоговым обложением, ни с вопросами прописки...

В квартиру Александра Ивановича Гладкова на Ленинградском проспекте, дом № 24 пришли счетчики 4-го переписного отдела, студенты Губина и Вячеслав Лаврусович. Их привели, как старых знакомых, встретил Лидия Петровна Гладкова.

Для «обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех этносов общества», для осуществления этих ленинских слов, о которых напоминает Тезисы доклада на XXI съезде КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства на предстоящие семь лет, нам нужно иметь точные сведения о численности, размещении и составе населения Советской страны.

Крупные, значительные контрасты между строками великого писателя и простого счетчика, с одной стороны, и теми телеграфными и телефонными сообщениями, которые сотнями приходили в ЦСУ вчера, накануне переписи...

Правительство обзало ЦСУ СССР представить в Совет Министров СССР к 25 апреля нынешнего года предварительные итоги разработки переписи в целом по стране, а также по республикам, краям, областям и отдельным городам.

В нашей стране при переписи нет и не будет различных бланков для «вероятного» и «коренного» населения... В ответах,

Какие большие, значительные контрасты между строками великого писателя и простого счетчика, с одной стороны, и теми телеграфными и телефонными сообщениями, которые сотнями приходили в ЦСУ вчера, накануне переписи...

«Для практической работы мы должны иметь цифры», — писал в первые годы Советской власти Владимир Ильич Ленин...

В квартиру Александра Ивановича Гладкова на Ленинградском проспекте, дом № 24 пришли счетчики 4-го переписного отдела, студенты Губина и Вячеслав Лаврусович. Их привели, как старых знакомых, встретил Лидия Петровна Гладкова.

ЗОВ ВРЕМЕНИ — УЧИТЬСЯ

ПИСАТЕЛИ знают — и постоянно, устно и письменно, им напоминают об этом, — что советская литература должна пытаться современности, отражать современность.

Великие научные открытия наших дней, овладение атомной энергией, работа советских ученых — еще не вошли полностью в сознание нашего общества...

НЕДАВНО мне пришлось пережить счастливое и важное для писателя событие: я смогла заглянуть в глаза современному герою, герою наших будущих книг...

У НАС начинается проводиться в жизнь очень революционная школьная реформа. Мне много приходилось слышать опасений, что реформа эта уменьшит гуманитарное образование...

Но что такое современность? Можем ли мы сразу ответить на это, понимаем ли мы современность в полном ее объеме, во всем ее глубоком смысле?

Совсем недавно один из крупнейших советских физиков сказал мне: «Атомистика — это, конечно, огромная вещь, но вы даже не представляете себе, какой величайший переворот готовит кибернетика, наука об управляющей способности машин, в жизни общества, в развитии характера, в деятельности и психологии человека новой эры».

Подумайте: именно она, рабочая молодежь, у которой в обрез времени, которая считает время у своих станков секундами, которая загружена огромной и сложной работой...

Развитие науки всегда шло от точных знаний к знаниям идеологического порядка; «метафизика» всегда шла за «физикой». Старая школа, если говорить правду, недооценила нашей молодежи именно знания точных наук...

Для того, чтобы понять сегодняшнюю действительность, старые пути и методы, какими писатели шли в жизни, изучали жизнь в двадцатых, тридцатых, сороковых и даже в пятидесятых годах, уже недостаточны. Мы сейчас — на пороге величайших перемен в науке, на пороге открытия таких законов в ней, которые определяют собой человеческое сознание на сотни лет.

И вот на каждом грёбе крупнейших научных открытий, меняющих представление человека о мире, сама наука и сами ученые тянутся к искусству и литературе, как бы ища их помощи, желая через поэтические обобщения и художественные образы легче войти в плоть и кровь духовной культуры человечества...

Когда я заглянула в глаза этой чудесной молодежи, я прочла в них такую страстную потребность знания, потребность узнать окружающий мир, современную науку и науку самого мышления, науку логического выражения собственных мыслей, такую страстную потребность стать образованными людьми, что мне стыдно стало.

Не надо бояться за нашу молодежь: от точных наук она сама потянется и к философии, и к истории. Да и наука в своем развитии не может обойтись без исторического метода (вспомним Тимирязева!), без гуманитарных дисциплин. Она сама потребует их.

Если создание наших рук — космическая ракета перелетела за Луну и сделала спутником Солнца, — событие, о котором говорит сейчас буквально весь мир, — то ведь за этой вчерашней сказкой, вчерашней фантазией, ставшей ныне практическим делом, — огромная работа мысли, целое море теоретических исследований и открытий.

Подумайте: это рабочая молодежь первой планки, что работать дальше и справляться с новыми задачами, какие встают сейчас перед советскими людьми, уже нельзя старыми методами, такими, скажем, как в годы наших пятилеток, а необходимо широкое образование, необходимо овладеть всем новым в науке, технике и культуре...

Получается так, что развитие движения за передовой труд на производстве требует нового, более солидного научного и культурного багажа для рабочего, а мы, писатели, которым нужно понять это движение, видеть тех, кто участвует в нем, раскрыть и воплотить их в литературе...

Недавно в армянской газете «Коммунист» выступил один из крупнейших наших математиков, молодой академик Мертелян, строящий в Ереване счетные машины для всего нашего Союза. И вот именно он, представитель точной науки, поднял свой голос в печати в защиту гуманитарных наук. Он написал в своей статье о том, что армянской Академии наук необходимо обратить больше внимания на свой общественный сектор, больше помогать гуманитарным институтам и исследовательским работам их ученых...

Новые научные открытия навигуются на нас, на нашу поэзию, на систему наших чувств и мышления с огромной силой воздействия, и они, эти открытия, пронизывая нашу жизнь, делают ее более сложной и интересной.

Хочется сказать и о возможностях журнала в плане постановки в разделе публицистики, критики, библиографии больших творческих вопросов развития советской литературы, вопросов, приобретающих особое значение сейчас, в период разложения коммунизма. Ряд дискуссионных материалов будет посвящен III Всесоюзному съезду писателей СССР и республиканским съездам. Приложением к журналу в 1959 году издается восьмистороннее собрание сочинений В. Лаврова.

В разное время в журнале «Дружба народов» издавались материалы переводов А. Прокофьева. В ближайшее время с теоретическими статьями о переводе у нас выступит академик В. Виноградов, А. Белецкий, писатель Н. Чуковский. Редакционный совет наметил провести на страницах журнала дискуссию о литературном языке и языке художественного перевода.

Мне думается, многие наши нерешенные профессиональные споры и разговоры о том, каким должен быть герой наших книг, о конфликте, о жанре — могли бы сами собой легко разрешиться, если бы мы, писатели, овладели широким восприятием эпохи, стали по-настоящему образованными людьми новой эры — эры коммунизма. Когда мы сейчас повторяем старые азы о том, что «надо видеться в жизнь», эти сакраментальные слова начинают звучать беспомощно. Ну, а если, «внедрившись», мы вдруг почув-

В этом году читатели журнала познакомятся и с новыми произведениями ряда прогрессивных зарубежных авторов. Среди них — «У нас дома» Я. Дры, «Операция «Дружба» Ж. Дуара, «Человек без воскресенья» Де Сантиса, «Вулканический континент» А. Лундквиста и другие.

В разное время в журнале «Дружба народов» издавались материалы переводов А. Прокофьева. В ближайшее время с теоретическими статьями о переводе у нас выступит академик В. Виноградов, А. Белецкий, писатель Н. Чуковский. Редакционный совет наметил провести на страницах журнала дискуссию о литературном языке и языке художественного перевода.

В разное время в журнале «Дружба народов» издавались материалы переводов А. Прокофьева. В ближайшее время с теоретическими статьями о переводе у нас выступит академик В. Виноградов, А. Белецкий, писатель Н. Чуковский. Редакционный совет наметил провести на страницах журнала дискуссию о литературном языке и языке художественного перевода.

В разное время в журнале «Дружба народов» издавались материалы переводов А. Прокофьева. В ближайшее время с теоретическими статьями о переводе у нас выступит академик В. Виноградов, А. Белецкий, писатель Н. Чуковский. Редакционный совет наметил провести на страницах журнала дискуссию о литературном языке и языке художественного перевода.

Рассказывают РЕДАКТОРЫ ЖУРНАЛОВ

«ДРУЖБА НАРОДОВ»

НА ИСКУССТВО 1958 года пленум редакционного совета журнала «Дружба народов» широко обсудил итоги прошедшего литературного года, определил дальнейшее направление журнала, рассмотрел его портфель и редакционный план 1959 года.

Прежде всего к тому, что было возможно ярче осветить на своих страницах нашу современность и ее главного героя — советского человека. Мы будем широко привлекать писателей к большим темам времени, к самым интересным явлениям нашей действительности, будем стремиться сделать журнал подлинным органом борьбы за высокое мастерство художника.

В разное время в журнале «Дружба народов» издавались материалы переводов А. Прокофьева. В ближайшее время с теоретическими статьями о переводе у нас выступит академик В. Виноградов, А. Белецкий, писатель Н. Чуковский. Редакционный совет наметил провести на страницах журнала дискуссию о литературном языке и языке художественного перевода.

В разное время в журнале «Дружба народов» издавались материалы переводов А. Прокофьева. В ближайшее время с теоретическими статьями о переводе у нас выступит академик В. Виноградов, А. Белецкий, писатель Н. Чуковский. Редакционный совет наметил провести на страницах журнала дискуссию о литературном языке и языке художественного перевода.

В разное время в журнале «Дружба народов» издавались материалы переводов А. Прокофьева. В ближайшее время с теоретическими статьями о переводе у нас выступит академик В. Виноградов, А. Белецкий, писатель Н. Чуковский. Редакционный совет наметил провести на страницах журнала дискуссию о литературном языке и языке художественного перевода.

В ПОСЛЕДНИЕ годы на страницах «Невы», «Москвы», «Огонька» и других литературно-художественных журналов все чаще стали появляться рассказы, подписанные новым в литературе именем — Андрей Фесенко.

Георгий МАРЯГИН

том, что Снегирев должен потерпеть крах, взбираться по шаткой лестнице чиновничьей карьеры. Главное в том, что он один в окружении людей труда.

Намерение Снегирева побывать у давнего друга, вытащить его из щели обывательского благополучия — подобно тому, как тот, рискуя своей жизнью, вынес его, Снегирева, с поля боя.

В рассказах «Огоньки», «За родным столом», «День рождения» и других почти нет упоминания о том, в каком году происходит то или иное событие, то ли другой случай, но мы явственно видим в героях своих современников.

— Не в прошлом, а в будущее надо смотреть! Рабочий человек и есть самый правильный воспитатель. У нас, у рабочих, учились и учатся, как мир переустраивать, — говорит Прокоп Михайлович.

— Да, да, расти! Без этого, девушка, нам никак нельзя. Ни работать, ни жить, — раздумывает председатель колхоза Дарья Никитовна, беседуя с библиотекарем Машей Коркуновой.

— Сердцан людским искра нужна и ветерок поветрие, вот они и выпыхнут коистрами, — наставляет секретаря райкома Апатова.

Эти афоризмы героев не вписаны искусственно в рассказы, они возникают закономерно из развития действия, из самих поступков людей — это выражение их взглядов.

Сколько хозяйской гордости в рассуждениях Прокопа Михайловича! Это подлинный властитель своей земли. Знакомый с ним, невольно вспоминаешь людей труда из так называемых неореалистических романов и повестей, кинофильмов и пьес.

Этот рассказ и «За родным столом» — ядро сборника. В них автор в центре повествования смело ставит людей помпезных, тронутых плесенью собственничества, тех, кого принято называть отрицательными персонажами.

В рассказе «За родным столом» разворачивается скорбная история милого воздыхания и нравственного падения ничтожного в своих славоблюбивых замыслах инженера Снегирева.

Но одаренность обязывает, она не может мириться с нарушением принципов художественности: некоем расхождении с жизнью, нечеткостью и неясностью фразы, невзрачностью. Она должна постоянно дружить с выскальчеством. Здесь действует давно проверенное правило: эмоциональное воздействие на читателя прямо пропорционально суровой выскальчести писателя к себе.

Порой в рассказах А. Фесенко встречаются неотреботанные фразы, неточные картины: «Среди заснеженных крыш, неподалеку от кирпичной школы, Маша отыскала глазами яблоно», «если бы он жил и работал прежде с чистым сердцем», «задумчиво прижмурилась», «папач от запахов ржи и степных трав» и др.

Но с каждым новым произведением А. Фесенко тщательнее шлифует фразу, более экономно расходует слова. Писатель становится все требовательней к себе. В этом — залог будущих успехов.

Средняя общеобразовательная художественно-декоративная школа № 680 — первая школа нового типа, открытая в Москве. Обучение в ней начинается с восьмого класса. Юношам и девушкам предстоит учиться четыре года. После окончания 11-го класса они вместе с аттестатами зрелости получают удостоверение о приобретении специальности исполнителя художественно-декоративных работ.

Фото А. ЛЯПИНА

„Наш вторник“

НА ОЧЕРЕДНОМ «вторнике» «Литературной газеты», состоявшемся 13 января, выступил доктор технических наук, профессор Д. Панов. Он ознакомил собравшихся с принципами автоматического перевода научного текста с английского языка на русский.

Сотрудница отдела научно-технической информации Архитектурно-планировочного управления столицы А. Христина сообщила о состоянии и наиболее характерных тенденциях в архитектуре США и южноамериканских стран. На экране были продемонстрированы проекты и сооружения Франка Лойды Райта (в том числе его проект 528-этажного здания высотой 1 600 метров), Эварда Струна — автора американского павильона на Всемирной выставке в Брюсселе, куполообразные постройки Букминстера Фуллера и других.

Главный редактор Московской киностудии научно-популярных фильмов Р. Кузнецова посетила свое выступление работам и творческим планам коллектива студии. В заключение были продемонстрированы фильмы: «Автоматы в космосе», «Воздушные вездеходы», «Берег-Осло» и некоторые другие работы мастеров научно-популярной кинематографии.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

- Велию Али Гара. Пройденные годы. Повести. Перевод В. Успенского. Баку, Азербайджанское издательство, 8 руб. 85 коп.
Елькин А. Встретный ветер. Стихи. Тульское книжное издательство, 96 стр. 4 000 экз. 1 руб. 85 коп.
Ефремов И. Туманность Андромеды. Роман. «Молодая гвардия», 368 стр. 165 000 экз. 7 руб. 10 коп.
Удубин Б. Дым очага. Рассказы. Перевод с армянского. Баку, Азербайджанское издательство, 94 стр. 3 000 экз. 1 руб. 40 коп.
Усаченко Ю. Ступени альпатораса. Рассказы и повесть. Омское областное издательство, 264 стр. 30 000 экз. 5 руб. 10 коп.
Штов В. Когда юность уходит... Поэма. Сталинское областное издательство, 85 стр. 4 000 экз. 2 руб. 50 коп.

В РАБОТЕ каждого писателя-создателя есть две тесно между собой связанные, но все же различающиеся стороны: обсуждаются, спорятся перед конкретными проблемами, стоящими перед конкретной национальной литературой (в данном случае — литературой армянской) и, во-вторых, проблемы всех советских литератур — проблемы общесоюзного литературного значения и масштаба.

ЗАМЕТКИ С IV СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

том, как это «решается» некоторыми писателями (назовем хотя бы Ст. Куртикяна), которые порой уходят от современной темы в область «чистых фольклорных мотивов, обрабатывая сказки и легенды, причем нередко попросту портя их. (Справедливо говорится об этом в выступлениях В. Тальяна) Б. Вердян упрекал некоторых литераторов, которые, живя в городах, словно не замечают разительного роста армянского рабочего класса, колоссальных шагов, сделанных народом на пути индустриального развития.

Интерес к новому жизненному содержанию, поиски новых форм для его выражения — вот что было общим пафосом съезда. Правильным и плодотворным пафосом! К сожалению, придется заметить, что в речи А. Граши этот пафос не только не прозвучал, но объективно — при всей чуткости и удивительной нечеткости этой речи, при всех «сызках» на авторитеты в поэзии, чем эта речь была объективно слабее.

Интерес к новому жизненному содержанию, поиски новых форм для его выражения — вот что было общим пафосом съезда. Правильным и плодотворным пафосом! К сожалению, придется заметить, что в речи А. Граши этот пафос не только не прозвучал, но объективно — при всей чуткости и удивительной нечеткости этой речи, при всех «сызках» на авторитеты в поэзии, чем эта речь была объективно слабее.

Нельзя не отметить, что в выступлениях писателей съезда — это особенно заметно по резкому осязанию контрасту с творческим упадком писателей, связавших себя с кругами дашнаков.

ПЕРВЫЙ среди них — о современной теме в литературе.

На съезде армянских писателей проблема современности обсуждалась преимущественно в связи с проблемой истинной и мнимой народности литературы. Дело в том, что армянская литература — одна из древнейших литератур мира — накопила огромный художественный опыт, основанный на традициях народной поэзии. Хорошая традиционность, устойчивость эстетических форм и особенностей — это качество весьма положительное. Но ведь бывает и дурная традиционность, не сама по себе дурная, а становившаяся такой в том случае, когда старые формы уже не способны «вместить» новое содержание.

Знать, как много требует эта тема от писателя. В этом был главный пафос речи М. Шагинян.

Н АША литература, словно густой, хорошо растущий лес, — такой образ привел в своей речи О. Шираз. — Лес, а не подстриженный сад, где высажены одинаковые растения, где все подровнено, все прищипано. В этом лесу растут и величавый дуб, и лесная яблоня, и лесная груша, и орешник, и молодой кустарник, молодой поросль, поднимающаяся снизу... Сравнение не без эффекта и со своей любительной логикой: да, сегодня армянская литература разнообразна по краскам и жанрам, богата талантами.

Союз писателей Армении насчитывает сейчас, как доложил съезду председатель мандатной комиссии Г. Бес, 227 человек. Но рисковать продолжать сравнение литературы с лесом, лес — это и крепкие деревья, глубоко уходящие корнями в землю, но это и слабые растения, чьи корни едва достигают глубинных слоев... Организация растет. Молодые (и не только молодые) получают членские книжки союза писателей. Все ли они уже тем самым писатели?

Как сказал С. Ханзадян, «в количественном отношении план выполнен, но насколько он выполнен качественно?» Он критикует некоторые рассказы М. Армена, Г. Беса, Б. Сейраняна, призывает писателей и критиков смелее бороться за высокое качество, против серости.

— Есть книги, которые забываются, еще не дойдя до конца, — замечает Р. Ованесян. Есть книги-мольбики, живущие не больше дня. Не будем забывать, подчеркивает Р. Ованесян, что наши книги ожидает строгий суд грядущих поколений. Наша героическая современность заслуживает книг на века.

Проблемы мастерства... С. Паязат поднимает вопрос о конфликте в литературном произведении. Сравнимая поэма М. Шагинян «Солдаты» и Н. Зарян «Господин Петре и его мнистры», он рассуждает о «размытости» конфликта в первом, которая ведет к многословию. Этим преходом отмечено немало число современных армянских романов.

На съезде выступил первый секретарь Союза писателей БССР А. Сурков. Он говорил об истинном и ложном толковании проблемы современности, о необходимости в нашей литературе сатиры, о ее особенностях, о национальном характере литературы, о положительном герое. По последнему вопросу на съезде говорили многие. Правильно отметил необходимость создания положительного героя. Т. Ахумян не удержался от соблазна применить знаменитый термин: нужен, мол, чистый, «идеальный», положительный герой. Странно, что в концепции идеального героя образился столь опытный и сведущий литературовед и критик. Конечно, ему возражали. Не в искусственных пропорциях «плюсов» и «червоточинко» суть проблемы. Она — в умении дать живой, крупный, активный характер.

С большой, интересной речью на съезде выступил первый секретарь ЦК КП Армении С. А. Товмасян.

В своих заметках мы остановились лишь на самом общем и важном — это обязательное правило для пишущих подобные заметки. И еще есть доброе правило: кончать их пожеланием творческих успехов участникам съездов. Это доброе правило нам даже не хочется нарушать.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Правление Союза писателей Белоруссии выражает сердечную благодарность всем организациям, учреждениям и лицам, приславшим нашей писательской организации поздравления в связи с национальным праздником белорусского народа — 40-летием БССР и Компартии Белоруссии.

Правление Союза писателей БССР.

Эпоха и языковой «пяточок»

Д ОВЕЛОСЬ мне как-то прослушать в народном суде одно бытовое дело. Спрашивают свидетельницу. Лифтерша. Седая женщина.

Алексей ЮГОВ

— Скажите, свидетельница, из-за чего испортились отношения между вашими соседями? — Право, не знаю, — последовал простой и короткий ответ. Вызывая другую. Молодая особа. Иряка. Секретарша одного учреждения. Вопрос — тот же самый. Повела плечом, скривила губы, и этаким протяжно-изменяющимся голосом:

— Абсолютно не в курсе дела! — И еще мне вспомнилось. Рассказывал мне Борис Викторович Шергин, этот — и в тот раз не премину сказать! — замечательный русский писатель, под стать Пришвину и Вазову, писатель, способствовавший вокняжению северно-русской речи. Слушая он однажды, как наставляли своих учеников, будущих исполнителей былин и сказаний, сперва одна руководительница, а затем — другая. Первая была почти неграмотная. Просто — сказительница. А другая — фольклористка, кандидат наук. Будущих чтецов народного художественного слова, естественно, волновал вопрос: что и для кого читать?

— Слово к человеку примеряйте! — братко посоветовала им сказительница. Другая же, кандидат наук, фольклористка, этот же самый совет предпочла изъяснить иначе: — Ориентируйтесь на интеллектуальный горизонт, на сферу интересов аудитории!

Появля, конечно, но ведь ни одного же русского словечушка! Частные, как будто, примеры, но их же неисчерпаемое множество. И житейская наша речь, и художественная русская литература непереводно засорены иностранными словами и синтаксическими оборотами, при этом без всякой надобности, а просто в силу некой умственной лени, небрежения к родному языку, чем клялись в былые времена «гуляки» по границам дворянских. Свидетельство того, что именно от дворянского сословия исходила зараза безграмотности, сиречь космополитизма, могут быть, среди множества примеров, хотя бы эти строки Бестужева-Марлинского: «Мы воссали с молоком безграмотность и удивление только в чу-

жому... К довершению несчастья, мы выросли на одной французской литературе, вовсе несходной с нравом русского народа, ни с духом русского языка». Но, помнитесь, скажут, не слишком ли уж далеко «спредки»? Да нет, — эту же самую «родословную» называет и Ленин в своем гневном выступлении против засорения русского языка ненужной иностранщиной: «Перенимать французски-нижнегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но в первых, не получив, а во-вторых, конверкал русский язык».

Прямую опасность для развития русского языка, для его самобытной силы и красоты усматривали в этой «языковой интервенции» великие и даже величайшие умы нашей Родины — от Ломоносова до Ленина. И не ради националистичности приводил я сейчас несколько таких суждений, а чтобы была видна историческая преемственность борьбы. Застрелывая ее, холмогорский крестьянин-помор Михайло Васильевич Ломоносов сказал: «Почашише философские воображения и рассуждения, многоразличные свойства и перемены, бывающие в сем видном строении мира и в человеческих ображениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи».

А дальше, посетите же, какие имена стоят в перечне этих борцов! Висарий Великий: «И мы первые скажем, что употребляет иностранное слово, когда есть равновесное ему русское слово — значит оскорбляет и здравый смысл и здравый вкус. Так, например, ничего не может быть нелепее и диче, как употребление слова «утиривать» вместо «приветствовать».

Тургенев: «Берегите чистоту языка как святыню. Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

А вот — Герцен: «Я первый снимаю с себя вериги чужого языка и снова принимаюсь за родную речь». Редко вспоминают у нас в спорах о засорении русского языка варваризма-

суждение Горького: «Нет смысла писать «конденсация», когда мы имеем свое хорошее слово — сгущение».

Еще реже — Маяковского, который считал одной из важнейших задач поэтов — «...сделать язык русским. Конечно, — пояснил он, — это не имеет ничего общего с желанием называть калопи микроступами, потому что делается это не произвольно, а согласно общим законам рождения слова».

Заявкам этот краткий обзор возвратом к суждениям В. И. Ленина. Писателям они в особенности памяты, ибо как раз писателям и не прощали Ленин употреблении иностранных слов без надобности. И вот что особенно в этих ленинских суждениях останавливает внимание литераторов: считая иностранное слово «дефектом» взыщилим, Владимир Ильич предлагает вместо него щедрым выбором русских синонимов: пробелы, недочеты, недостатки. А ведь в этом, именно в синонимическом знании народного словаря, и есть корень знания писательского. Была же у Ленина возможность называть свою гениальную статью о коммунистических суботниках — «Великая иппидатива». Однако он предпочел — «Великий почин», то есть привал к литературной жизни слово старинное, почти вышедшее из книжного обихода, коренное русское слово.

Писатель, зодчий художественного слова, должен вписать в свое сердце, в свое сознание вещь (без скидок!) словарь своего народа. Стоит ли здесь оговариваться, что словарь и речестрой неразрывны! Словари без синтаксиса и не бывает. Однако разговор о писательском синтаксисе, всегда стилистическом, личном, о соотношениях его с житейской речью народа и его устной словесностью, — это разговор особый. Здесь же — только о словаре.

НА СЕВЕРЕ живая речь народа еще сохранила одно замечательное решение: — А он и слова не дождался! Какое горе испытывал, когда приходишь тебе «сигнальный» твой книги, и вдруг увидишь, что и здесь-то ты «не дождался слова», да и вот здесь тоже! А уж исправлять поздно! Того тоньше газетчик: ему-то еще чаще, чем «романичку», приходится переживать эту злозлую скорбь по ненайденному слову: времени-то у него всегда в обрез. А ра-

бота у нас одна: через слово овладеть жизнью, строить жизнь.

Писатель — это словарь! Сейчас же начну оговариваться. Словарь народа — это ведь и мышление народа; это его история, его быт и труд. Ибо мысль неторшна от слова; слово человеческое все в мире объясняет, объемлет, отражает, всему — и вещному, и отвещному — соответствует. Слово — это великий зодчий всей культуры, всей цивилизации человечества. Труд и речь!

Потенциально каждое слово бессмертно. То есть, точнее говоря, оно может на целые столетия пережить свое материальное существование. Даже самое обветшалое слово, обветшавшее заведомым архаизмом, может вдруг воскреснуть, появиться законом языка, употреблению народному, отвечая требованию момента и эпохи. Застают — обернувшись другим значением, облетевшее в другую семантику. Явление общеизвестное. Шлем витязя вымер. Зато появился шлем танкиста и володла. Давно уже не воюют мечом. Однако Норвежский процесс обрушил «меч правосудия» на головы преступников против человечества. И на одном из памятников Европы, освобожденной от фашизма, советский воин, отечески дердавший на одной руке спасенное им дитя, другой рукой грозно опирается на исполнительный меч. Не надо торопиться с погребением слов. Не существует «звухомных пластов» языка. Не последнее место принадлежит здесь ведь и чутью художника слова. Кто до войны помнил слово «упредить»? А теперь выражение «упредить врага» понятно каждому. И это слово очень точное. Это не совсем «опередить». Это и — предвосхитить намерения врага. Здесь — быстрота и боевой, наступательный дух.

Подобных примеров каждый припомнит сотни, если не тысячи. Остановлюсь еще на одном архаизме, он особенно любопытен: вратарь. Кто из болельщиков футбола вспоминает, что это очень и очень древний славянский? «Врата» никто не говорит. А вот «вратарь», да еще с вымирающим суффиксом — «арь» (ключарь, звонарь, букварь, пахарь, лекар) стало современным словом.

Писательское знание словаря — это знание такое, которое придает языку писателя и мыслительность, и точность, и вещность. А эти три качества можно назвать пушкинскими атрибутами художественности, ибо этих именно неизменных достоинств требовал Пушкин, их воплотил. Прошу он называл «языком мысли». Он хвалил Дельвига за то, что наконец-то он достиг точности в языке: «Дельвиг, Дельвиг! Иппик мне и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя: добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало».

Эти неизменные три качества литературного языка писателя всегда обрели в живом языке трудового народа и через непреходимую, усердную и непреходимую работу над словарем. Да, да, над словарем, над лексиконом. До конца дней своих! «Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладеть духом языка своего?» — задавался вопросом еще Карамзин. И присоединялся к мнению Вольтера: «Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному».

Спросите врасплох любого из нас: что такое исток, устье, стремень реки? Или: что такое предел прочности, изверженные пороги, волобоинный колодец, бетон, шатун, поршень, маховое колесо, кривошип, коробка передач и т. д., и т. д. — ответим ли? — Помилуйте, нельзя же быть хохлячь энциклопедией!

Как не вспомнить нам и здесь горькие сетования Пушкина, который говаривал Владимиру Далю: «Да, вот мы писшем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!» Мы заговорили о том, что истинно писательское знание словаря есть непременно тончайшее знание синонимов.

Путь и дорога не одно и то же. «Высокий путь» советского журналиста нельзя заменить выражением «Высокая дорога» советского журналиста.

Замечательный образчик тончайшего различия синонимов оставил нам Фонвизин в своем «Опыте российского соловника». Он разбирает слова: робкий и трусливый; «Робкий бежит назав, трусливый нейдет вперед; робкий не защищает, трусливый не нападет. Нельзя надеяться ни на сопротивление робкого, ни на помощь трусливого».

А что если бы так вот знать весь язык, весь словарь? Как бы это сократило прелесть «эмуки слова»? — А зачем? — слышится возражение. — Что за беда, если вместо «робкий» я поставлю «трусливый»? Неужели ради таких тонкостей я должен освоить и удержать в памяти весь огромный словарь Даля? Когда ведь подпечатано, что даже у нан-

более богатых по словарю классиков количество слов не превышает двадцати пяти тысяч.

Разве не приходилось вам слышать такого рода возражений? А мне приходилось.

И вспомнилось мне. В дельвито-пушкинской «Литературной газете» вычитал я одно удивительное сообщение. Вот оно полностью:

«В одном весьма замечательном сочинении знаменитого Гёте сказано, что в Инии художника, делающего мозаические картины, употребляют 13 000 различных красок, из коих каждая имеет 50 оттенков, от самого темного до самого светлого, что составляет 750 000 разных теней, весьма легко отличаемых художниками. Кажется бы, что имея в своем распоряжении 750 000 красок, можно передавать во всей точности всякую живописную картину; но художник при таком удивительном изобилии жалуются еще на недостаток некоторых необходимых теней».

Я склонен рассматривать эту заметку, напечатанную при самом основании «Литературной газеты», в январе 1830 года, как своего рода декларацию Пушкина. Вряд ли мы оспариваем, если примем, что он, который по определению Гоголя, более всех, далее всех раздвинул границы русского языка и более показал все его пространство, — он напечатал эту заметку как призыв к писателям, чтобы и они были так же неослабны и требовательны, как те художники-мозаики.

Это вовсе не парадокс, что краткость, сжатость слога рождается от избытка: скупость в слове — от избытка словаря, которым обладает писатель. Дайте и нам, писателям, право и возможность выбирать из 750 000 красок и оттенков! — как бы требовал эту заметку Пушкин от Греча и Каченовского, от всех тех, кто травил его за расширение литературного языка на сторону «просторечия», что издается над «просторочностью» его языка, запрещая Пушкину такие слова, как дрвини, тын, усы, визывать, вставай, рассветает, ого, поря, обьявляя их «нижкими, буртацкими», кто, по выражению Белинского, считал Пушкина «исказителем русского языка и вводителем всяческого литературного и поэтического безвкусица...».

(Окончание в следующем номере)

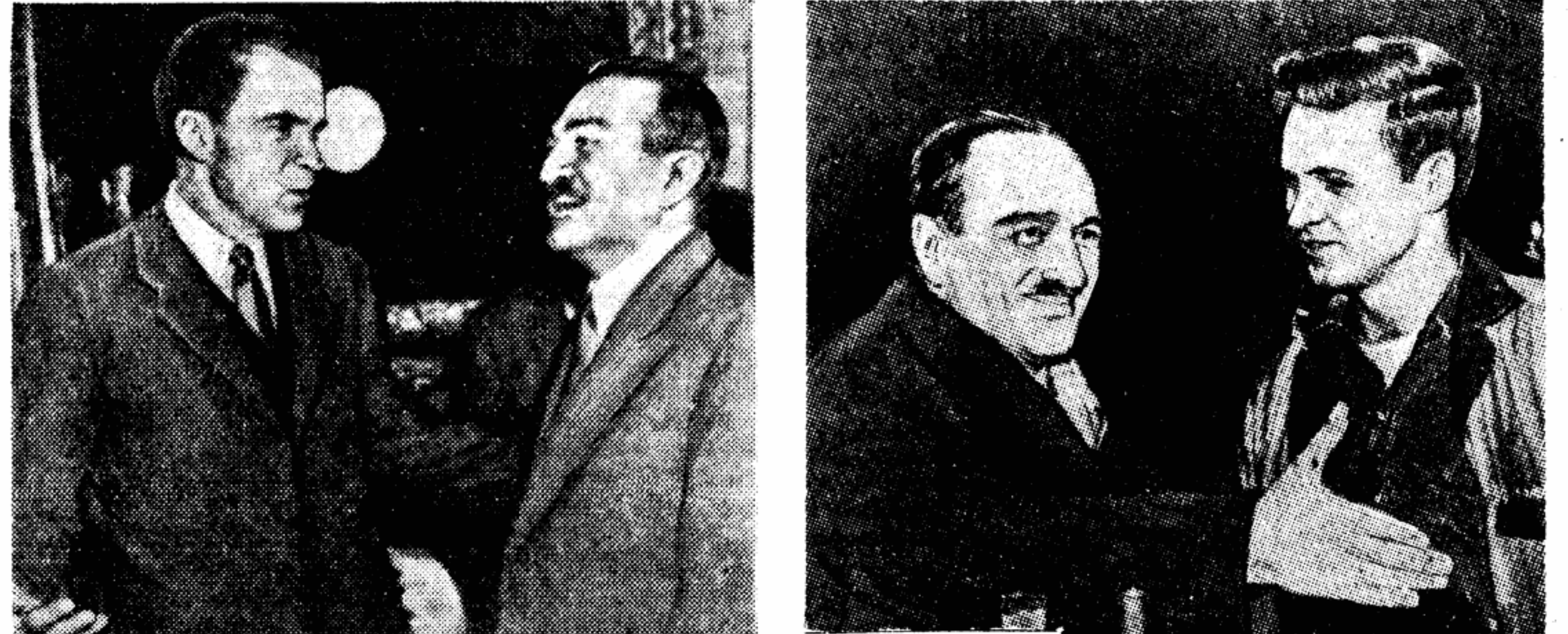
«Теплый ветер из Москвы»

ОДИННАДЦАТЫЙ день находится в Соединенных Штатах Америки первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. С того момента, как советский гость, выступая в Нью-Йоркском аэропорту, передал от лица советского народа американскому народу пожелания счастья и спокойной жизни в условиях всеобщего мира, к нему неотступно прикованы взоры всей Америки. Где бы ни появлялся советский государственный деятель, — будь то в заводском цехе или на банкете, — его слова встречают одобрение или, по крайней мере, благожелательный интерес слушателей. «Дипломатический ветер, дующий из Москвы, был на этой неделе не по сезону теплым. В этом изменении климата был в основном повинен невысокий человек по имени Анастас Микоян — ветеран-большевик», — пишет «Нью-Йорк таймс».

Никакое различие в языке или во взглядах не помешает людям одной страны проникнуться уважением и симпатией к посланцу другой державы, если он выражает передовые, миролюбивые идеи. Американцам это давно известно.

В XVIII веке в монархической Европе очень плохо знали о том, что происходит в Америке. Европейцы коверкали даже имя Вашингтона. Всевластные королевские особы распускали устрашающие неблизкие о молодой американской республике. И тем не менее американский посол Вениамин Франклин, приехавший во Францию одетым вопреки французским модам — с гладко зачесанными волосами, без парика, в скромном коричневом кафтани, — быстро сумел завоевать симпатии лучших людей Франции к себе лично и к американской демократии. Успех Франклина был вполне понятен, ведь в ту пору общественное устройство Америки было передовым по сравнению с монархическими режимами Европы...

«Однако вернемся к современности. Американские газеты пишут об успехе поездки А. И. Микояна. «Нью-Йорк таймс» отмечает следующий положительный момент его поездки: «Впервые за долгое время специалисты и многие рядовые граждане рассматривают проблему наших отношений с коммунистическим миром в конструктивном плане... К Москве и к г-ну Микояну здесь начинают прислушиваться с большим вниманием».

С пространством обзором, посвященным пребыванию в США А. И. Микояна, выступил в «Нью-Йорк таймс» журналист Солсбери. Он пишет: «Слова, которые произносит Микоян, дослаживают до каждого американца. Он говорит: «Давайте спорить, давайте дискутировать, давайте соревноваться, но не будем сражаться...» Факт таков, что Микоян увидел в Соединенных Штатах достаточно много и произвел глубокое впечатление на многих видных американцев; но все это делалось вопреки господствующей тенденции... Создается впечатление, что госдепартамент вновь оказался выведенным из равновесия в результате советской инициативы. Вопреки тому, что Вашингтон, несмотря на неоднократные уведомления посла в Москве Левеллина Томпсона-младшего, недооценивал силу и непопулярность г-на Микояна и энергию, с какой он убеждает американцев, что пора покончить с «холодной войной».

Думается, однако, что американский обозреватель не вполне точен в своем анализе. Широкий отклик, который встречают миролюбивые высказывания советского представителя, объясняется прежде всего огромной притягательной силой идей мира и страстным желанием самих американцев покончить с остервеневшей «холодной войной». На снимках (слева направо): Встреча А. И. Микояна с Сайрусом Итоном и его супругой; с вице-президентом США Р. Никсоном; с рабочим завода компании «Линкольн электрик» Гленом Хиршоу. Фото из газет «Нью-Йорк таймс» и «Лэнд оф фольк» (Дания).

ОЗАРЕННЫЕ СПУТНИКОМ МИРА

ЧЖАН ГУАН-НЯНЬ, главный редактор журнала «Взны бо»

В ЭТИ дни народ Китая радостно приветствует великий семилетний план развития народного хозяйства Советского Союза. По всему Китаю идут многолюдные собрания, совещания, всюду обсуждается этот волнующий и всеобщий документ. Люди Китая называют советский семилетний план прекрасным спутником мира, озаряющим человечество путь в будущее.

Чем больше вчитываешься в тезисы доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза, тем глубже, сильнее ощущаешь дух безграничного героизма, которым пронизан этот документ. Мысли и чувства, напоющие его, воодушевляют волю и воображение сотен миллионов людей. Это героическое эпос, научное воплощение величайшей картины эпохи!

Тезисы доклада тов. Хрущева на предстоящем съезде Коммунистической партии Советского Союза, программа, развернутая в них, представляют собой двухступенчатый космический красный ракетный план, вторая — еще один пятнадцатилетний план, — и советское общество полнится на невиданные вершины, с которыми всем нам воочию откроется коммунистический век, осуществление мечты многих поколений человечества.

Тов. Н. С. Хрущев указывает, что в результате завершения семилетнего плана развития Советского Союза и мощного экономического подъема всех социалистических стран за эти короткие семь лет «будет обеспечено абсолютное превосходство мировой системы социализма над капиталистической системой в материальном производстве — в решающей сфере человеческой деятельности».

Это вдохновляющее народы мира заявление прогремело, как гром среди ясного неба, над монополистическими кругами Соединенных Штатов Америки.

Не удивительно, что, говоря о семилетнем плане развития СССР, один американский журнал в ужасе возопил: «Мы не можем больше позволить себе «ждать спокойно»... Мы также должны выдвигать перед миром свою программу, которая склоняла бы человечество на нашу сторону».

Но откуда может появиться у американских монополистов такая программа? Сам господь бог не в состоянии забыть американских империалистов от кризисов и надвигающегося неизбежного краха.

Тов. Мао Цзэ-дун говорит, что враги зло в день все ближе к своей гибели, в то время как мы бремся с каждым днем. Так обстоит дело в мире сегодня! Мы глубоко уверены в том, что советские люди не только выполнят, но и значительно перевыполнят свой грандиозный семилетний план. Воодушевленный величием и пафосом этого плана, бескорыстной братской помощью Советского Союза, наш народ также ускорит свои шаги, свой большой скачок к намеченной светлой цели. И никакие высокие горы, никакие широкие моря не смогут преградить путь нашего движения вперед!

Семилетний план ставит перед советской литературой новые, еще более высокие задачи и требования. Мы, китайские литераторы, твердо уверены в том, что, вооруженные самыми возвышенными идеями человечества, вносящие неоценимый вклад в мировую литературу, советские писатели с творческим вдохновением и преданностью будут выполнять свой долг перед Коммунистической партией и советским народом, создадут новые произведения и образы, которые послужат новым блистательным примером для миллионов людей во всем мире.

В свою очередь писатели Китая с еще большим увлечением будут изучать и осваивать творческий опыт советской литературы, учиться и овладевать творческим методом социалистического реализма. Мы прилагаем все свои силы и вдохновение к тому, чтобы за короткое время поднять социалистическую литературу нашей страны на новый этап расцвета и служения всенародному делу!

II. На корабле сквозь Америку

П О ВСЕЙ форме, за сорок восемь часов, капитан радировал властям Панамского канала о приближении нашего судна. И получил отклик, не лишенный смятения и тревоги.

— А нет ли у вас москитов на борту? Чтобы внести успокоение, мы перебили последних москитов, залетевших с Ямайки, Гаити и Кубы.

Советское торговое судно шло по синему Карибскому морю. Солнце, взбравшись в зенит, палило с изуродующей силой. Воздух был так чрезмерно влажен, что пот и в тени стекал с нас струями. Нечаянно я посадил на стол чернильную ялкану и потом следил за нею как за редким метеорологическим опытом: она не высыхала трое суток.

Был вечер, когда вдали показалась земля с фиштакисовым оттенком — горы Кордильера Сан-Блас. Я впервые увидел американский материк.

Пала непроглядная экваториальная ночь, и Америка мигающим огоньком спросила нас, будто не знала:

— А кто вы?

Вахтенный штурман на мостике поднял лампу с клавишем и выстукал ответ.

Людям швел нас в бухту Лимон — в предверье канала. Собирались грозы. В тишине раздались грохот якоря.

И тут американцы устремились к нам в несметном количестве.

Из мглы подошли катера с флагом Соединенных Штатов на корме и с синим флажком Панамского канала на носу. Негры в желтых пазурьях спасательного пояса оттягивали штурманов — веревочную лестницу, спущенную с борта. И на судно один за другим лезли сначала военные в защитной или белой униформе, а затем и гражданские в легких рубашках, с открытой головой и с палками в зубах, потому что на весу обменивая руками держались за штурманов.

Заполнили санитарные бланки. Это процедура обычная, и она скоро закончилась. О'Кэй!

Два американца, треща рулеткой, измерили стены. Это — тоже по правилам: если судно данной конструкции проходит каналом впервые, его измеряют для исчисления пошлины.

Но вот что было нами ни разу не видано: не только вопреки protestу капитана измерили машины и приборы, но и все сфотографировали. Сняли даже марки машин — какой завод что строил. И унесли в бадейках образцы топлива и масла.

Но это по крайней мере касалось неодушевленных вещей. Острее воспринимается, что относится к личности. Всех по очереди подзвали к столу, брали в руки морской паспорт, смотрели на карту и в глаза — похож ли. Каждый услышал: — О'Кэй!

А затем развернулись всеобъемлющий обход помещений.

Офицеры с длинными электрическими фонарями, неспеша, обошли все палубы, коридоры, рубки и каюты. Просили открыть грузовые трюмы и спускались туда. Залезали в спасательные шлюпки. Воржили свертки мореходных карт. Даже вскрывали шитки для предохранительных пробок и совали туда нос.

При осмотре моей каюты я присутствовал. Офицер перебрал книги на полке. Выдвинул ящики стола. Растворил шкаф, пустил туда луч фонаря. Полястил журналы на столе и размазал клею.

Меня еще ни разу в жизни не обследовали. Первый раз обыскали в Америке.

Обряд длился три часа. Все наши держали себя в руках. Но было нелегко.

Смотреть на позорные надоели, я вышел на палубу. Вышел — и отрянул над Панамским перешейком бушевала гроза.

Н. Н. МИХАЙЛОВ

Фотограф среди машин бросил на пол окурков, но тотчас поднял и спросил: — У вас тут чисто, как в детской. Куда деть?

Один долго возился с нелепым измерением обыкновенного двигателя, а потом вдруг взглянул на механика и хитро пожал плечами — дескать, вы ошибаетесь, если сочтете меня круглым дураком.

Казалось, эти высокие, светловолосые веселые парни послушно, но без всякой охоты исполняют приказ.

УТРОМ мы увидели берега бухты Лимон. Среди пальм белели дома. Из леса ключами поднимался туман. На рейде стояли суда, подошедшие ночью — из Японии, Англии, Либерии и США. Ни один из кораблей не охранялся, а вокруг нас по-прежнему крутился катер под названием «U. S. Snapper».

О'Кэй! — они снова прибыли в половине девятого.

Кто же на этот раз залез к нам на борт? Залезло столько, что можно было бы оставить команду корабля: люцман с радиотелефоном для связи с берегом; двенадцать негров-швартовщиков в цветных рубашках; белый их босс в пробковом шлеме, с гроздьей брелоков у пояса; наконец, двадцать один человек вооруженной охраны. Люцман и швартовщики обязательны для всякого судна, но военная стража являлась специально для нас.

Якорь поднят, — и с красным флагом СССР на корме, со звездным флагом США на фок-мачте мы входим в канал.

По сути, мы входим в тропический лес. В двух шагах слева — земля Южной Америки, в двух шагах справа — Северная. Чаща леса густа до темноты. Трудно глазом отделить дерево от дерева — они перепутались ветвями и лианами. У листьев — незнакомый нам вырез в листе и на стволах — незнакомые цветы. Порхают невиданные бабочки и птицы. Стречокот не то лягушки, не то квакши. Чтобы вплотную встать на джунгли, ярко-желтая птица, не переставая петь, садится на реку.

Скоро подходим к подьему на водораздел. Перед нами три ступени парных шлюзов.

В стороне под пальмами — пестрота автомобилей. Цветы, как полагаются в тропиках, не на клумбах, а в кронах деревьев; пуночковые лепестки, опавшие на зеленую траву, выткали ковер необыкновенной расцветки. Негр катает машинку для стрижки газона. Сверху спускается паром под флагом Гондураса.

Звякнув, электровозы потянули нас за тросы в корытку шлюза.

Возле электровозов идут негры с мотками веревки. Когда, переходя от шлюза к шлюзу, электровозы будут по зубчатому рельсу карабкаться на крутую горку, негры не забурются в них, не вскачат на подножку — они для облегчения лишь уцепятся за какой-нибудь крюк. Из окошек кабины выглядывают машинисты — они белые. Это здесь называется «отдельный рис от бобов».

Через пятьдесят минут мы наверху — на Гатунском острове, подпертом дамбой на высоте двадцати шести метров. Водохранилище перекроло весь перешеек до шлюзов, спускающихся к другому океану.

Идем по широкому плесам среди лесистых островов. На пять миль вправо, на пять миль влево — зона Панамского канала, управляемая американским губернатором. Как ни странно, мы пересеем Панамскую республику, но не видим ее. А хотелось бы взглянуть — жизнь сейчас там бурная. На Панаму, как выразился американский военный обозреватель Болдуин, упала «стеня Суаца».

О том, что Панамский канал должен принадлежать Панамской республике, заикнулись даже ее высокопоставленные лица, но пока это «бунт на корабле». Зато народ, и прежде всего студенты, не стесняется требовать: — Канал наш! Это вам не Миссисипи!

По сторонам, в отдалении, сияют мохнатые горы. Там-то, наверное, и можно было бы встретить панамцев в их панамках. Но разглядеть даль в бинокль я не мог — главный офицер предложил убрать бинокль, оставив один на все судно. Сфотографировать не мог тем более — все аппараты были отобраны и запгерты в сейф.

Радар включать запрещено. Радиопубка закрыта, у двери часовой. Часо-

вые на носу, на корме, у машин и на мостике. Умора — с мостика в машинное отделение протянут походный телефон.

Рассматривая американцев. Волтают друг с другом, пьют черный кофе из термоса, читают последний номер «Лайфа».

Хочется поговорить с этими людьми, но они развели тут такую «холодную войну» в миниатюре, что думаешь — как бы не произнести что-нибудь не совсем уместное.

Сочинил самый отвлеченный вопрос и обратился с ним к офицеру, с которым имел случай познакомиться вчера в собственной каюте?

— Правда, что мы можем увидеть крокодила на отмылке?

— Американец ответил с полной готовностью: — Можете увидеть, но сегодня после ночной грозы нет анов и пляжи пустыют.

— А в Москве жарко лето и холодно зимой. Вы представляете себе зиму?

— Да, я из Северной Дакоты. А здесь, в бухте Лимон, разница между зимой и летом — полградуса.

— И вы привыкли? Живете ли?

— Не на этой неделе же мы женитесь... ОЗЕРО сузилось. Слева прошел городок с легкими домами, пальмами, стадионом и американским флагом. Как ни быются панамцы, не разрешают им вывесить в зоне канала флаг своей республики.

Начался самый тесный рукав. На протяжении тринадцати километров путь высушен в скалах. С каменных круч летят водопады. Свисают деревья. Утесы достигают, наконец, высоты двадцатитрёхметрового дома. Корабль плывет в ущелье, созданном людьми. На скале я вижу красновато-бурую барельеф в белой рамке: рабочие с кайлом и отбойным молотком.

Строители следовало вспомнить. Они совершили великий подвиг — расклевывали материк. Но их погубило шестьдесят тысяч. Одна жизнь за каждый метр канала.

Постепенно спускаемся через шлюзы и уже видим впереди простор Тихого океана.

На корме одного из шлюзов среди сотен надписей, представляющих все алфавиты мира, я заметил полустертые русские буквы, выведенные белыми: «Гал...» Может быть, и в самом деле плыл здесь какой-нибудь Галкин. Когда наши страны вместе воювали, немало советских судов прошло по Панамскому каналу.

Как ни низок панамский водораздел, атлантический пассат оставляет на нем избыток влаги. На тихоокеанском склоне не так душно. Джунгли здесь реде, а поселения чаще.

Налево за холмом видны соборы и здания Панамы, столицы республики. Но с канала нельзя увидеть, как юности и девушки несут по улицам плакаты «Панамы для панамцев», громоздят баррикады, швыряют камни, перерывают канавы и жгут автомобили — и хоронят своих товарищей, застреленных солдатами национальной гвардии.

Смеркается. Мы прошли канал за девять часов. Сейчас стража нас покинет. Сняты посты, сматывают телефонную проволоку. Настает миг полного благополучия. Солдаты просят у матросов монет для коллекции и меняют марки. Офицеры жмут руку капитану и желают счастливого плавания.

Я заканчиваю разговор: — Мы встретили на канале немецкое, норвежское, английское суда, на них не было охраны, команда нас свободно фотографировала, рассматривала в бинокли без всяких провол, мы заметили?

— Да, это так. — Я видел, немцы купались в озере, а нам запрещено. — Не могу отгнать. — Почему же вы к нам душно относитесь? — Великий боже, я не отношусь к вам душно. Разве вы можете предъявить нам личные претензии? — Личные — нет. Ни малейшей. — Надеюсь. — Если не считать, что при обыске вы размазали клею чернил у меня на столе. — Ах, миллион извинений. Я все понимаю. — Все понимаете? — Во всяком случае, я понимаю, черт возьми, что русские — хороший народ, как, смею думать, и американцы. — Тогда зачем же вы себя утруждаете? — Ну, с этим вопросом обращайтесь в Вашингтон.

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ И МЫСЛИ

НЕДАВНО крупнейшему датскому поэту Отто Гельстеду исполнилось 70 лет. Два сборника стихотворений Гельстеда появились на русском языке *.

Таким образом, слова датского поэта теперь услышали и советские читатели. Вообще, и сожалею, языковые границы сужают круг читателей поэзии нашей маленькой страны. Многие скандинавские драматурги и романисты известны за пределами своей родины, но творчество выдающихся поэтов часто остается достоянием только тех, кто говорит на их родном языке.

Во время первой мировой войны и в послевоенный период в литературе нейтральной Дании ведущее место заняла лирическая поэзия. Это была эпоха высокой капиталистической конъюнктуры, бешеной спекуляции, извлечения прибыли из несчастья других людей. Ее сменил период инфляции и кризиса, социального брожения, забастовок, безработицы. Молодую лирическую поэзию тех лет характеризуют душевное смятение, растерянность, разочарование и в то же время лихорадочная жажда жизни, преклонение перед техникой, упоение ее стремительным развитием. Новые художественные направления: французский кубизм, итальянский футуризм, немецкий экспрессионизм из живописи проникли в литературу. В поэзии они проявились в поэтике искусства для искусства, к безысходному индивидуализму, мистике, ненависти к разуму.

«Люблю тебя, загадочное время, о век веков... ты полон хаоса, безумья красоты, величия стремительного бегу», — писал модный в ту эпоху поэт Эмиль Беннелюкке. А Том Кристенсен заявлял:

Прекрасны, как разбитый снарядом вокзал,
Наша юность, наша сила, наши
Прекрасны, как ярко-зеленая звезда
безумные идеи,
революеры...

И он писал стихи о своей тоске по «кораблекрушениям, насилию и внезапной смерти». Он сам называл свое поколение «потерянным поколением». А один критик назвал его «поколением, которое споткнулось на старте».

Отто Гельстед не споткнулся на старте. В первом сборнике его стихотворений мы находим «рассуждения», в котором отразилось стремление поэта к ясности, гармонии и поэтической сосредоточенности:

Смешивай свои краски до тех пор,
Пока их поток не сольется воедино
И не станет «ным, как белизна саега.
Настраивай свои струны до тех пор,
Пока их звучание не станет чистым
и могучим,
Как молчанье вселенной.
Пусть все страсти бьются в твоём
сердце,
Пока ты не станешь спокойным,
Как центр урагана.

Гельстед пламенно любит все живое, цветущее и полно непримиримой ненависти ко всякой несправедливости и угнетению. Он ненавидит войну, капитализм и мистику, которая опутывает разум, и он любит людей, животных и вообще всю зеленую плодородную землю. «Я избирно не обещаю и не андела, а человека», — писал он в то время, когда фашисты начали насаживать культ человека-зверя.

В ответ на утверждение, что гуманизм умирает, Гельстед заявлял, что умирает только старый, идеалистический, далекий от жизни гуманизм. Маркс свел гуманизм с небес к земле, придал ему реалистическое содержание: мир надо не только объяснять, его надо переделывать. «Я отстаиваю активный гуманизм, который служит делу рабочего класса, делу борьбы за создание бесклассового общества; я отстаиваю революционный гуманизм», — писал Гельстед.

Поэт мужественно встретил фашистскую угрозу. На приход Гитлера в власти он ответил бичующими, разящими стихами. Он писал о Гитлере как об обезьяноподобном человеке. Свобиста составлена из виселиц, говорил он в стихах, немцы: дети в Реймарском парке обучаются играть в террор, отравляются самые источники жизни. Но кто же поддерживает жизнь?

Гельстед пламенно любит все живое, цветущее и полно непримиримой ненависти ко всякой несправедливости и угнетению. Он ненавидит войну, капитализм и мистику, которая опутывает разум, и он любит людей, животных и вообще всю зеленую плодородную землю. «Я избирно не обещаю и не андела, а человека», — писал он в то время, когда фашисты начали насаживать культ человека-зверя.

В ответ на утверждение, что гуманизм умирает, Гельстед заявлял, что умирает только старый, идеалистический, далекий от жизни гуманизм. Маркс свел гуманизм с небес к земле, придал ему реалистическое содержание: мир надо не только объяснять, его надо переделывать. «Я отстаиваю активный гуманизм, который служит делу рабочего класса, делу борьбы за создание бесклассового общества; я отстаиваю революционный гуманизм», — писал Гельстед.

Поэт мужественно встретил фашистскую угрозу. На приход Гитлера в власти он ответил бичующими, разящими стихами. Он писал о Гитлере как об обезьяноподобном человеке. Свобиста составлена из виселиц, говорил он в стихах, немцы: дети в Реймарском парке обучаются играть в террор, отравляются самые источники жизни. Но кто же поддерживает жизнь?

Гельстед пламенно любит все живое, цветущее и полно непримиримой ненависти ко всякой несправедливости и угнетению. Он ненавидит войну, капитализм и мистику, которая опутывает разум, и он любит людей, животных и вообще всю зеленую плодородную землю. «Я избирно не обещаю и не андела, а человека», — писал он в то время, когда фашисты начали насаживать культ человека-зверя.

В ответ на утверждение, что гуманизм умирает, Гельстед заявлял, что умирает только старый, идеалистический, далекий от жизни гуманизм. Маркс свел гуманизм с небес к земле, придал ему реалистическое содержание: мир надо не только объяснять, его надо переделывать. «Я отстаиваю активный гуманизм, который служит делу рабочего класса, делу борьбы за создание бесклассового общества; я отстаиваю революционный гуманизм», — писал Гельстед.

Поэт мужественно встретил фашистскую угрозу. На приход Гитлера в власти он ответил бичующими, разящими стихами. Он писал о Гитлере как об обезьяноподобном человеке. Свобиста составлена из виселиц, говорил он в стихах, немцы: дети в Реймарском парке обучаются играть в террор, отравляются самые источники жизни. Но кто же поддерживает жизнь?

Гельстед пламенно любит все живое, цветущее и полно непримиримой ненависти ко всякой несправедливости и угнетению. Он ненавидит войну, капитализм и мистику, которая опутывает разум, и он любит людей, животных и вообще всю зеленую плодородную землю. «Я избирно не обещаю и не андела, а человека», — писал он в то время, когда фашисты начали насаживать культ человека-зверя.

Ганс ШЕРФОНГ, датский писатель

Гельстед посылает забытые строки маленькому эпизоду, происшедшему в фашистской Германии. 7 ноября, в день Октябрьской революции, рабочие подняли красный флаг. Банды нацистских молодчиков избили рабочих, пока снег не стал красным от крови. Но на следующий день женщины подняли новый красный флаг — простыню, окрашенную кровью рабочих.

Здесь рассказана чистая правда. Это просто отчет о товарищах, которые бесстрашно отвечали ударом на удар. Они знали, что в победе и в поражении У них нет другой надежды, другой опоры, кроме красного советского флага!

Гельстед писал о Германии не как о вражеской стране, а как о стране, которую предали и опозорили. «Над страной, где блещет Лессинг, где творил Гейне, теперь опустилась ночь позора. Страна, которая была для меня в юности второй матерью, предана и поругана».

9 апреля 1940 года Дания была оккупирована немецкими войсками. Мы проснулись утром от гула немецких бомбардировщиков, которые угрожающе кружили над Копенгагеном.

С рассветом такий рев железных птиц врал: на город хлынул, сжав сердца до боли. Услышав этот вой, мы поняли с тоской, что ждет нас горький хлеб неволи.

В этих стихах Отто Гельстед выразил то, что испытывали мы все в то утро: любовь к Дании, к ее народу. В 1943 году Гельстеду пришлось эмигрировать в Швецию. Но в эмиграции его муза не умолкла. Эмигрантские стихи Гельстеда великолепно передают настроения этих лет, мрачных и скорбных, но все-таки полных надежды. Поэт бродит по дождливому Стокгольму и видит на газетном щите заголовок «Волна террора в Дании»:

Я вижу, как смерть преследует лучших, как они прячутся то в одном, то в другом убежище, не покоряясь, А за ними по пятам банда убийц, исходящая бешеной слюной... Друзья я бесцельно протыгиваю к вам руки. Я не вижу вас, кровавый туман скрывает ваши лица. Но во мраке победы уже натягивает свой лук.

Скоро со звенящей тетивы сорвется стрела и вонзится в сердце волка... А в мае 1945 года Гельстед писал:

Громадный паук со свастикой раздавлен и захлебнулся кровью, ядом и грязью.

После освобождения Дании Отто Гельстед стал постоянным сотрудником органа Коммунистической партии Дании газеты «Ланд оф фольк». Он считается одним из крупнейших датских критиков по вопросам искусства. Ему принадлежит ряд книг о живописи. Гельстед — один из тончайших знатоков греческой литературы, переводчик многих произведений греческой классики от Гомера до Аристофана и Еврипида на датский язык. Одни эти переводы и переложения греческих поэтов могли бы обеспечить ему почетное место в скандинавской литературе.

Характерная черта облика Гельстеда — ясность. Он певец света, солнца и доброты. Он ненавидит туман, мрак, суеверия и неволю. Он верит в победу разума над хаосом, светлой мысли над мракобесием и мистикой, КОПЕНГАГЕН

Пензенское отделение Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о скоротечной смерти писателя, члена КПСС с 1919 года, Алексея Тихоновича ЗИНОВЬЕВА, последователя 11 января 1959 года, и выражает соболезнование семье покойного.

Пензенское отделение Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о скоротечной смерти писателя, члена КПСС с 1919 года, Алексея Тихоновича ЗИНОВЬЕВА, последователя 11 января 1959 года, и выражает соболезнование семье покойного.

Пензенское отделение Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о скоротечной смерти писателя, члена КПСС с 1919 года, Алексея Тихоновича ЗИНОВЬЕВА, последователя 11 января 1959 года, и выражает соболезнование семье покойного.

Пензенское отделение Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о скоротечной смерти писателя, члена КПСС с 1919 года, Алексея Тихоновича ЗИНОВЬЕВА, последователя 11 января 1959 года, и выражает соболезнование семье покойного.

Пензенское отделение Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о скоротечной смерти писателя, члена КПСС с 1919 года, Алексея Тихоновича ЗИНОВЬЕВА, последователя 11 января 1959 года, и выражает соболезнование семье покойного.

Пензенское отделение Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о скоротечной смерти писателя, члена КПСС с 1919 года, Алексея Тихоновича ЗИНОВЬЕВА, последователя 11 января 1959 года, и выражает соболезнование семье покойного.

* Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-08-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литература народов

Москва. Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информации